

УДК 94(470.621) "1922/1926"

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.22792651](https://doi.org/10.5281/ZENODO.22792651)

ПРАКТИКА ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1922–1926 гг.

Яхутль Ю. А.

*Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail: a075ca@yandex.ru*

С момента прихода к власти большевики во взаимоотношении с обществом применяли различные способы с целью изменения социальной среды, определявшей её устойчивость. Таким элементом выступало избирательное законодательство и Конституции РСФСР, которые позволяли применять запретительные меры в отношении определённого круга лиц. Способ лишения избирательных прав с 1917 г. по 1936 г. стал одним из средств РКП(б) в отношении лиц, признанных неблагонадёжными. Для граждан эти ограничения означали потерю ряда социальных благ и экономического положения. По данной теме остаются значительные лакуны, связанные с целым рядом важнейших фактов последующего статуса данной категории советских граждан. Вне поля зрения находятся изменения в отдельных социальных группах, а также судьбы людей. Решить эти проблемы позволяют новые архивные материалы и региональные исследования. Используя принципы объективности и историзма, хронологический, сравнительно-исторический и статистический методы автором изучена региональная политика лишения избирательных прав в Адыгейской автономной области в 1922–1926 гг. Данная тема рассматривается впервые в контексте выборов кампаний на территории Адыгеи с привлечением новых архивных материалов.

Ключевые слова: Адыгея, выборы, законодательство, избирательные комиссии, категории, лишения.

Нэповская Россия 1920-х гг. остаётся привлекательной темой, и историки продолжают спорить о её преимуществах и недостатках. Одним из значимых фигур той исторической эпохи являлось российское крестьянство, составлявшее большинство населения Советской России. Как складывалась их жизнь в этот период, чем они занимались становится центральной темой многих исследований. В большинстве случаев внимание историков привлекает их хозяйственная и политическая деятельность, то есть взаимоотношение крестьянства и власти, а также способы и методы её осуществления. Таким средством взаимодействия была выборная кампания в местные Советы, которая включала различные аспекты, в том числе правовые и политические. К особенностям формирующейся советской избирательной системы относят открытый характер голосования на избирательных собраниях и срок полномочий депутатов. Кроме того, большевики инициировали особые условия для сельского населения, когда прямые выборы проводили только в низовые Советы, а во все остальные были многостепенными [42, с. 13; 40]. Правовая особенность выборов кампаний до 1924 г. заключалась в том, что каждая из них регламентировалась новой инструкцией. Это было следствием

формирующейся новой законодательной базы выборных кампаний в Советы различных уровней. Процесс продолжился в 1925 г. учреждением Всероссийской Центральной избирательной комиссии, что придало определённую организованность и системность толкованию избирательных норм, в том числе сроков их проведения и использования ограничительных мер в отношении граждан [41, с. 40].

РКП(б) ещё с 1918 г. активно использовала различные запретительные методы, как аннулирование итогов выборов и ограничение в избирательных правах с целью предотвращения проникновения «чуждых классовых элементов» в Советы [39, с. 16]. Так появились «лишенцы», то есть лишённые избирательных прав. Данная тема не теряет своей актуальности в настоящее время, она характеризуется новыми тенденциями, расширяется и углубляется проблематика исследований, привлекается активно региональный компонент. Поэтому предметом нашего исследования стала правовая практика лишения избирательных прав в период выборов в сельские Советы в национальном регионе РСФСР – Адыгее в 1920-х гг. Представляет исследовательский интерес механизм её реализации в национальной автономии, где она приобрела свои особенности. До настоящего времени процесс советизации в Адыгее рассматривался с точки зрения представительства коммунистов и комсомольцев в составе депутатов. Автором статьи предпринята попытка впервые рассмотреть содержание выборных кампаний через политику лишения избирательных прав в национальной автономии Северо-Западного Кавказа. Она представлена статистическими сведениями, личными делами лишенцев и рассматривается как противостояние РКП(б) и населения. Хронологические рамки исследования затрагивают период 1922–1926 гг., то есть с момента образования Адыгейской (Черкесской) автономной области, утверждения «Положения о сельских Советах» и новой инструкции 1926 г. о выборах городских и сельских Советов, которая значительно расширила круг «лишенцев».

Лишение избирательных прав в Советской России нашло своё отражение в исследовательской литературе как по истории, так и юриспруденции. Историографию темы можно условно разделить на два периода: 1920-е – 1930-е гг., когда публикуются работы, авторами которых являются непосредственные организаторы выборных кампаний; 1950-е – 1980-е гг. – советские историки и правоведы эту проблему рассматривают на основе марксистско-ленинской методологии и третий, соответствует современному, постсоветскому периоду. Для каждого из перечисленных периодов можно отметить характерные черты, обусловленные объективными условиями развития Советской России – СССР. Работы 1920-х – 1930-х гг. носят практический характер, где авторы особое внимание уделяли практике и опыту организации выборов и лишении избирательных прав [4; 2; 12; 8; 17]. Вторая половина XX столетия отмечена значительными изменениями в советском обществе, что не могло не сказаться на развитии гуманитарных наук. Исследования отличаются наличием большого фактического материала, но в них отсутствует оценка последствий лишения избирательных прав [20; 18; 10]. Они продолжили придерживаться традиционных

классовых принципов в оценке организации и проведении выборных кампаний, в основе которой была марксистско-ленинская методология в науке. Отношение к лишенцам рассматривалось в контексте борьбы с эксплуататорскими классами. В конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. подход исследователей претерпевает значительные изменения. Во многом это стало последствием распада СССР и отказом от догматической методологии. Одновременно в научный оборот включаются новые архивные документы, позволявшие расширить аспекты научного исследования. Так в 1992 г. выходит статья А. И. Добкина, посвящённая проблеме лишения избирательных прав советских граждан, который характеризовал данный процесс как проявлением репрессивной политики большевиков [6]. Однако исследователь ограничился лишь анализом количественных изменений лиц, лишённых избирательного права, их материальном положении, анализом советского законодательства о выборах, оставив без внимания социальные последствия этой политики. Российские историки продолжают активно обращаться к новым документам и методам исследования. Коллективная работа «Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы» отличается не только новизной документов, а главное, новыми подходами и методами исследования [46]. Изучены дела граждан, ходатайствовавших о восстановлении избирательных прав с привлечением математико-статистических методов. Количественные методы позволили выявить закономерности процесса лишения избирательных прав представителей различных социальных групп. Вызывает значительный интерес труды С.А. Красильникова. Он пытается обосновать тезис о маргинализации «нетрудовых слоёв» как следствие их ограничения в избирательных правах. Главная цель, которую преследовали большевики, по мнению автора, являлось укрепление контроля над обществом [14; 15]. В целом в 2000-е гг. данная тема получила своё научное развитие, но в большей степени на материалах региональных архивов. Значительный вклад внесли такие известные отечественные историки как Н. М. Морозова, Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко, В. В. Бахтин, Смирнова Т. М. [23; 49; 16; 1; 43; 44]. Социальный статус лишенцев рассмотрен в работах В. Н. Земскова, который исследует судьбу спецпоселенцев [9]. Следует выделить работу Д. В. Валуева, как одну из значимых в отечественной истории по данной теме, который анализирует вопросы взаимоотношений «лишенцев» и общества [3]. Особого внимания требуют работы, посвящённые лишению избирательных прав крестьян как самой массовой категории «лишенцев» [7; 38]. Исследователи анализируют мотивы лишения избирательных прав, причём выделяют две категории: в связи с раскулачиванием и с невыполнением продовольственного задания [21, с. 109].

Зарубежные историки часто обращаются к данной теме в контексте репрессивной политики РКП(б) – ВКП(б), пытаясь иногда придать ей национальные черты [47; 48].

Представляет научный интерес ещё одно направление, которое не всегда находит своё отражение на страницах научных изданий. Это политика лишения избирательных прав в национальных образованиях Северо-Западного Кавказа, для которых период 1920-х гг. связан с изменением их правового положения в составе

РСФСР–СССР. Получив статус автономии, в этих областях начинается активный процесс советизации. Таким регионом была Адыгейская автономная область, где анализ выборов в сельские Советы позволяет определить основные тенденции и региональные особенности политики лишения избирательных прав. Архивные материалы, которые остаются доступными позволяют установить категории лиц, лишённых избирательных прав, их действия по восстановлению своих гражданских прав через обращения в местные органы власти. Таким образом в ходе исследования определяется модель взаимоотношения власти и сельского населения Адыгейской автономной области.

Источниковую основу статьи составили архивные материалы, а также выступления лидеров РКП(б)–ВКП(б). В них содержится информация о внутренней политике партии, что позволяет изучить отношение большевиков к чуждым, классовым врагам системы. Следующая группа представлена нормативно-правовыми документами: Конституцией РСФСР, законами, подзаконными актами, регламентировавшие выборы в Советы. Основным источником исследования стали документы Национального архива Республики Адыгея: Р-1 – фонд Адыгейского областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и горских депутатов; Р-59 – фонд Майкопского райисполкома, Ф. 85 с/р – фонд личных дел, лишённых избирательных прав. В них сведения о кампании по выборам в сельские Советы Адыгеи, результаты, статистические сведения, списки лишённых избирательных прав, справки о составе семей и социальном происхождении. Эти документы содержат динамику выборного процесса и позволяют обнаружить общероссийские закономерности и региональные особенности лишения гражданских прав определённой категории жителей Адыгеи. Протоколы сельских избирательных комиссий содержат значительную, детализированную информацию о лицах лишённых избирательных прав. Весь комплекс документов, привлечённых к работе, отличается высоким уровнем репрезентативности. Часть документов впервые включена в научный оборот. При этом необходимо отметить, что значительный массив документов фонда областной избирательной комиссии был утерян в период эвакуации 1942–1945 гг.

Основная часть

Политика советского государства по лишению прав отдельных граждан не являлась новацией, такая практика имела место со времён античности и нашла своё продолжение в период формирования основных принципов буржуазной демократии. Такой подход в контексте внутренней политики государства использовали в период кризисов, поэтому обращение большевиков к мировому опыту был вполне обоснованным. Тем более что имелся исторический опыт выборов в первую Государственную Думу России, где запретительные и ограничительные меры присутствовали. Поэтому после прихода к власти в октябре 1917 г. руководство РКП(б) инициировало идею отказа от предоставления гражданам России широких избирательных прав. Положение, основанное на классовых принципах, закрепили в «Декларации прав трудящихся и

эксплуатируемого народа» [45]. В.И. Ленин, который был идейным и теоретическим вдохновителем советской системы не скрывал отношения к эксплуататорским классам, лишая их избирательных прав [19, с. 203]. Следовательно, закрепление этих принципов в Конституциях 1918 г. и 1925 г. вполне закономерно. В первой российской Конституции ст. 23 законодательно зафиксировала неравноправное положение в обществе в интересах «рабочего класса и в целом РСФСР» [13, с. 12]. Очередным шагом в укреплении советской демократии стало утверждение «Инструкции о порядке перевыборов волостных и сельских Советов» 1918 г., которая регламентировала порядок проведения выборных кампаний и определяла правовой статус лиц, лишённых избирательных прав. Местные избирательные комиссии на её основе формировали региональное законодательство по выборам в Советы. Инструкция не содержала исчерпывающего перечня причин для лишения избирательных прав, что во многом позволяло на региональном уровне произвольно их трактовать.

После завершения Гражданской войны в 1922 г. ВЦИК РСФСР утвердил «Положение о сельских Советах», ставшее основой советского строительства на местах. До этого решения, в 1921 г. ВЦИК издал постановление, определявшее порядок восстановления в гражданских правах. Процесс законодательных инициатив ВЦИК по данному вопросу завершился принятием в конце августа 1922 г. новой избирательной инструкции, где были подтверждены положения о «лишенцах», закреплённые в Конституции страны.

В таких условиях начинается процесс советизации Адыгейской автономной области, которая в июле 1922 г. из национальной окраины российской империи приобрела статус самостоятельного субъекта в составе РСФСР. За период с 1922 г. по 1926 г. на территории Адыгеи прошли 5 выборных кампаний. По состоянию на 1921 г. в Адыгее проживало 112 515 чел., из них адыгов – 65 583 чел. [28, л. 30]. Социальный состав адыгского аула был достаточно сложным и формировался под воздействием экономической и налоговой политике российской империи. Налоговая и штрафная политика, запрет на свободный выход рядовым адыгам из аулов, переход мелкого товарного производства под контроль зажиточной части в лице кулаков и скупщиков являлись важнейшими формами эксплуатации. В результате беднейшая часть аулов попадала в экономическую зависимость. Переселенческая политика дореволюционного периода сформировала дефицит земли, что послужило основой для конфликта между станицами и аулами. Так как уровень развития товарности индивидуальных казачьих хозяйств превосходил адыгские, то это неминуемо вело к росту социальной дифференциации. Господствующие социальные группы в аулах были представлены кулачеством, духовенством и крупными землевладельцами, которые составляя 16% населения, но при этом владели 40% скота и 35% посевов. В тоже время 46% батрацко-середняцких хозяйств не имели сельскохозяйственных орудий и лошадей [27, л. 127]. Кроме того, деятельность Советов в Адыгейской (Черкесской) автономной области несла на себе отпечаток конфликтов Гражданской войны, где адыги

поддержали белое движение. Поэтому большевики ужесточили контроль за ходом выборов в Советы, придерживаясь классовых принципов.

Так, сложное переплетение социальных, экономических и политических фактов оказали существенное влияние на процесс проведения выборных кампаний в Адыгее в 1920-х гг. и определения лиц, лишённых избирательных прав.

Первые выборы в сельские Советы Адыгеи были организованы в соответствии с решением Президиума ВЦИК от 14 августа 1922 г. о выборах в сельские, городские, волостные Советы. Их необходимо было провести в 3 округах и 42 волостях, на территории которых размещались 350 населённых пунктов. В среднем на одно поселение приходилось 70 дворов и только 10% из них состояли из 200 дворов и выше. Чрезмерная дробность оказывала в последующем влияние на ход выборных кампаний в адыгских аулах. Политическая кампания проходила в октябре–ноябре, то есть после завершения осенних полевых работ. Координатором выступала Областная Избирательная комиссия, созданная 30 сентября 1922 г. Одна из первых инструкций областной избирательной комиссии требовала при составлении списка учитывать принцип лояльности к советской власти [22, с. 21]. Особо следует отметить мусульманское духовенство, которое на начальном этапе советизации оказывало существенное влияние на население, но не подвергалось преследованию [24, л. 6].

В выборной кампании в Адыгейской (Черкесской) области в 1924 г. могли принять участие 53 575 чел. Избирательных прав лишили 1 242 чел., в том числе 187 представлявшие мусульманское духовенства, что являлось значительным показателем. Кампания по выборам в Советы 1925 г началась осенью и в ней могли принять участие уже 54 390 жителей области, проживавших в 42 сельских округах. Новая инструкция ВЦИК по выборам в 1925 г. «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» предоставила избирательные права многим лицам, в предыдущие годы лишённым права участвовать в выборных собраниях и установила единые правила их учёта и процедур лишения [11]. Поэтому мы видим уменьшения их число до 717 чел., из которых 90 чел. предприниматели и 170 духовные лица.

В подготовительный период были допущены ошибки при составлении списков лиц, лишённых избирательных прав. Так, в а. Адабий в них были включены беднейшие слои, не имевшие возможность выполнить продналог. В п. Старый Бжегокай часть зажиточных горцев восстановили в правах с нарушением действующего законодательства. Это стало следствием реализуемой политики «лицом к деревне» с 1924 г. и отсутствием очерченных критериев для лишения избирательных прав. Местные избирательные комиссии, стараясь сохранить «классовую чистоту» депутатского состава, нарушали действующее законодательство.

Выборы 1926 г. принципиально не отличались от предшествующих кампаний, как и инструкция от 4 ноября, регламентировавшая процедуру обжалования решений избирательных комиссий. Однако, существенно пересмотрела категории лиц, отстраняемых от выборов. Особое внимание уделили предпринимателям,

которые подвергались откровенной политической дискриминации [5]. В этих условиях активизируется зажиточная часть сельского населения области, которая требовала восстановления в правах. В а. Афиписип призывали допустить к выборам всех жителей вне зависимости от их социального, имущественного статуса и правового положения. Это усиливало противостояние в аулах, так как беднейшая часть отказывалась сотрудничать с РКП(б) и советской властью в случае удовлетворения этих притязаний.

Следует обратить внимание на характер избирательных кампаний 1920-х гг. в Адыгейской автономной области, где сохранялось существенное влияние духовенства и «почётных стариков» на адыгский аул. В этот период на территории области функционировало 127 мечетей и 5 православных церквей. В адыгейских аулах до 60% населения посещали пятничные молитвы, а в таких аулах как Егерухай, Блечепсин, Ходзь и Джиджихабль этот показатель достигал 100% [32, л. 31, 32]

К выборам 1926 г. разработали форму отчётности, в которой присутствовал раздел «Прочие». Это позволяло местным избирательным комиссиям по-своему усмотрению определять дополнительный список лиц, не допущенных для участия в выборных собраниях. Ограничительная кампания 1926 гг. способствовала тому, что все председатели исполнительных комитетов сельских Советов Адыгеи были избраны из числа бедняков или середняков.

В целом уровень активности избирателей по области за период с 1923 г. по 1926 г. вырос с 33,9% до 45,3%, а количество избирателей с 52 592 чел. до 54 423 чел. [24, л. 42].

Перевыборы в 1926/27 г. прошли с активным участием беднейших слоёв населения области. В ходе выборов активизировались духовенство и зажиточные селяне, выступавшие с антисоветскими лозунгами. Это отрицательно сказалось на явке избирателей. В некоторых районах явка по сравнению с выборами 1925/26 г. снизилась до 10% [25, л. 17]. Рост абсентеизма в адыгском ауле вызвал оправданную обеспокоенность со стороны областного руководства. Потребовалась работа по систематизации и определению признаков лишенцев, чтобы усилить давление на зажиточную часть адыгского аула. Одним из главных показателей был род деятельности гражданина и параметры финансовых доходов. Основными источниками информации о хозяйственно-финансовой деятельности выступали финансовые и налоговые органы, составлявшие справку на каждого «лишенца» [33, л. 1]

Но это не гарантировало пропуска в списках лишенцев предыдущих избирательных кампаний по различным причинам, в том числе связанного с переездом или же халатностью ответственных работников избирательных комиссий. Поэтому с 1925 г. все списки лишенцев Адыгеи сверяли с предыдущими выборными кампаниями, проверяли через адресный и паспортный отдел милиции, ЗАГС, а также протоколы исполнительных комитетов о лишении или восстановлении в избирательных правах. В отношении каждого вновь прибывшего производился запрос по прежнему месту жительства, уточнялся социальный статус

и его избирательные права, был ли судим, служил ли в Белой армии и кто из родственников лишён гражданских прав и др. Дела «лишенцев» оформлялись в соответствии с требованиями ст. 19 избирательной инструкции, включавшая постановление о лишении, документы, послужившие основанием для такого решения, а именно: справка финорганов, судов, органов НКВД, заявление гражданина о восстановлении в правах, заключение исполкома, постановление избирательной комиссии и т.д. [29, л. 1–5]. Пример одной из таких справок. «Дана сия сель избиркому от Абадзехской в том, что гр-н Колисниченко Иван И. 1906 года рождения имеет на своём иждивении жену Колесниченко Нину 1906 года рождения. Имущество имеет следующее: пара лошадей, рабочих, паровик старый поломанный, налогу уплатил 39 рублей. Доходу начислено 341 рублей» [31, л. 413]. Дела хранились в здании исполнительных комитетов, доступ к которым был только у секретарей местных сельсоветов. Таким образом за три года – с 1922 г. по 1925 г. – областная избирательная комиссия смогла определить основные организационные принципы работы с лицами, лишённых избирательных прав.

Попытки избежать включения в списки посредством переезда в другой населённый пункт или район пресекались милицией, которая получала уведомления от избирательных комиссий и финансовых органов о передвижении лишенцев. Но были «инициативные граждане» выражавшие своё недовольство отсутствием в списках лишённых избирательных прав бывших предпринимателей и предлагавшие лишить их имущества [33, л. 22]. Так политическая акция стала приобретать явно выраженные конфискационные черты. В аулах, лишённые избирательных прав, теряли не только личное имущество, но и орудия производства, которое раздавали беднейшей части сельского населения. В этих условиях некоторые предприниматели отказывались от активной хозяйственной деятельности и продавали своё имущество. Вот что писал один из «лишенцев»: «Прошу вторично рассмотреть моё заявление о восстановлении избирательных прав, теперь моё имущество вам известно мельницы у меня нету» [31, л. 424].

Восстановление в правах требовало письменного заявления гражданина в местные избирательные комиссии. Они принимали решения о восстановлении прав или же отказывали в просьбе, а списки передавали на утверждение исполнительным комитетам Советов рабочих и крестьянских депутатов. «Лишенцы» вынуждены были неоднократно обращаться в советские органы. Так Цибизов Е. В., дважды писал заявление в избирательную комиссию с просьбой восстановить в правах. Он утверждал, что изменился его социальный статус и в «настоящее время живёт подённой работой», «дожился до крайности и не имею средств содержать семью, состоящую из 10 человек» [34, л. 5]. Это ещё одно свидетельство крайне негативного влияния статуса лишенца на его материальное положение, утратившего возможность получить достойную работу. Фактически это означало запрет на профессию. Но были исключения, когда бывших офицеров Белой армии восстанавливали в правах за добросовестный труд [35, л. 49].

Основные запретительные меры были отражены в Конституции РСФСР, кроме того, в Уголовном Кодексе 1922 г. присутствовала статья 40, по которой лишали

избирательных прав по суду. Но это не ограничивало местные органы власти. Размытость критериев, по которым определялась принадлежность гражданина к тому или иному разряду позволяла местным избирательным комиссиям проявлять своеобразную «инициативу», расширяя перечень этих признаков.

Немаловажным фактом стала инструкция по выборам 1925 г., которая уточнила статус родственников «лишенцев». Теперь в списки «лишенцев» включали всех членов семьи, достигших 18 летнего возраста. Они разделяли неполноправный статус главы семьи и подвергались дискриминации [37, л. 25]. Так, из 46 лишённых избирательных прав по 2 району г. Майкопа 27 были членами семьи, а остальные представители торговли [36, л. 2, 3]. Лишение родственников избирательных прав допускалось в том случае, если они проживали совместно. В случае, когда сын или дочь имели отдельное, самостоятельное хозяйство, то данное положение инструкции на них не распространялось [26, л. 12]. Средний возраст лишённых избирательных прав составлял от 35 до 50 лет.

В этом же году на основании постановления ВЦИК от 26 января была объявлена амнистия в отношении бывших станичных атаманов, солдат и младших офицеров Белой армии, вернувшихся в СССР до 1 февраля. Это решение не распространялось на лиц, указанных в действующей Конституции. Для рассмотрения их личных дел при сельских райисполкомах области учредили комиссии под руководством заместителей председателей исполкомов, в составе уполномоченных ГПУ, представителей районных финансовых отделов и судов. Решение комиссии можно было обжаловать в районной и окружной комиссии, а также в Президиуме Северо-Кавказского Крайисполкома, заключение которой было окончательным и обжалованию не подлежало [30, л. 1, 2].

Казалось, что в рамках политики «лицом к деревне» ограничительные меры продолжат ослабевать, но новая инструкция по выборам в 1926 г. не оправдала надежды. РКП(б) с учётом предстоящих экономических преобразований и планов построения социализма в отдельно взятой стране ужесточила политику лишения избирательных прав, тем самым положила начало новому этапу избирательных кампаний в Советы. В ходе подготовки в Адыгее к выборной кампании 1925/26 гг. гражданских прав лишили 796 чел., а в кампании 1926/27 гг. уже 3 601 чел., количество членов семей достигло 1 781 чел. Из 1 001 заявления, поступившего с просьбой восстановить в избирательных правах, только 392 получили положительное заключение. Таким образом за один год число лишённых избирательных прав возросло с 1,4% до 6,5%, что свидетельствовало об ужесточении политики РКП(б) [26, л. 182 об].

Заключение

Подводя итоги исследования следует отметить следующее. Политика РКП(б) в отношении данной категории населения была обусловлена попыткой на ранней стадии становления советской власти установить ограничительные меры для возрождающихся мелкобуржуазных элементов в условиях новой экономической политики и не допустить «классовых врагов» в структуры власти. Реализация

политики ограничения в гражданских правах части населения ААО проходила в рамках общесоюзного законодательства с некоторыми изменениями, учитывавшие национальный и социальный состав населения. При этом существовала возможность обжаловать решения местных органов власти

Практика переезда из одной местности в другую с целью избежать повторного включения в списки лишенцев на территории Адыгеи не находила применения. Это было обусловлено традициями адыгов и низким уровнем грамотности.

Лишение права участвовать в выборных собраниях принималось на основании признаков происхождения, рода занятий и имущественного положения. Об этом свидетельствуют постановления районных избирательных комиссий Адыгеи и личные дела «лишенцев». Классификация личных дел «лишенцев» на территории области позволяет выделить такие социальные группы как: обвиняемые в применении наёмного труда, осуществлявшие торговлю и оказывавшие посреднические услуги, бывшие сотрудники полиции, офицеры Белой армии, служители культа, а с 1925 г. члены семей лишенцев. Вместе с тем, сельское население области в период 1922–1926 гг. не проявляло большой активности по восстановлению своих прав в отличие от городского жителя, который в этих случаях лишался средств к существованию.

Список использованных источников и литературы

1. Бахтин В. В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области). // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. – С. 538–545.
2. Bakhtin V. V. Lishenie izbiratel'nykh prav (na materialakh Voronezhskoi oblasti). // Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiiskaya provintsiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. – М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2009. – S. 538–545.
3. Бродович С. М. Советское избирательное право. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 132 с.
Brodovich S. M. Sovetskoe izbiratel'noe pravo. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. – 132 s.
4. Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). – Смоленск: Маджента, 2012. – 155 с.
Valuev D. V. Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnoshenii (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoii gubernii i Zapadnoi oblasti). – Smolensk: Madzhenta, 2012. – 155 s.
5. Владимирский М. Ф. Организация Советской власти на местах. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 146 с.
Vladimirskii M. F. Organizatsiya Sovetskoi vlasti na mestakh. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. – 146 s.
6. Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. 1926. – № 75. – Ст. 77.
Dekret VTSIK ot 4 noyabrya 1926 g. «Instruktsiya o vyborah gorodskikh i sel'skikh Sovetov i o sozyve s"ezdov Sovetov» // SU RSFSR. 1926. – № 75. – St. 77.
7. Дробкин А. И. Лишенцы. 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. Москва – СПб.: 1992. – Вып. 2. – С. 600–628.
Drobkin A. I. Lishentsy. 1918–1936 gg. // Zven'ya. Istoricheskii al'manakh. Moskva – Sankt Peterburg: 1992. – Vyp. 2. – S. 600–628.
8. Ергина Н. М. Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // Экономическая история. – Саранск, 2016. – № 2(33). – С. 56–64.

Ergina N. M. Tragediya Mordovskoi derevni v otrazhenii sudeb krest'yan, raskulachennykh i lishennykh izbiratel'nykh prav v period likvidatsii kulachestva kak klassa // Ekonomicheskaya istoriya. – Saransk, 2016. – № 2(33). – S. 56–64

8. Зайцев П. Ф. Кого и почему Советская власть лишает избирательных прав. – М.: Мосполиграф «Искра революции», 1930. – 59 с.

Zaitsev P. F. Kogo i pochemu Sovetskaya vlast' lishaet izbiratel'nykh prav M.: Mospoligrafa «Iskra revolyutsii», 1930. – 59 s.

9. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 гг. – М.: Наука, 2003. – 304 с.

Zemskov V. N. Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960 gg. – M.: Nauka, 2003. – 304 s.

10. Ивницкий И. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. – М.: Наука, 1972. – 360 с.

Ivnickii I. A. Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa. – M.: Nauka, 1972. – 360 s.

11. Инструкция о перевыборах в Советы: Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 января 1925 г. // СЗ СССР. 1925. – № 6. – Ст. 55.

Instruktsiya o perevyborakh v Sovety: Postanovlenie Prezidiuma TSIK SSSR ot 16 yanvarya 1925 g. // SZ SSSR. 1925. – № 6. – St. 55.

12. Киселёв А. С. Задачи кампании перевыборов Советов (1930/31 г.) – Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1930. – 90 с.

Kiselev A. S. Zadachi kampanii perevyborov Sovetov (1930/31 g.) – M.; L.: Moskovskii rabochii, 1930. – 90 s.

13. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. – М.: Издательство ВЦИК, 1918. – 31 с.

Konstitutsiya (osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki. – M.: Izdatel'stvo VTSIK, 1918. – 31 s.

14. Красильников С. А. Маргиналы в послереволюционном российском обществе в 1920–1930-е годы // Вестник РГИФ – 2003. – № 4. – С. 5–13.

Krasil'nikov S. A. Marginaly v poslerevolutsionnom rossiiskom obshchestve v 1920–1930-e gody // Vestnik RGIF – 2003. – № 4. – S. 5–13.

15. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917-й – конец 1930-х гг.) – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1998. – 91 с.

Krasil'nikov S. A. Na izlomakh sotsial'noi struktury: marginaly v poslerevolutsionnom rossiiskom obshchestve (1917-i – konets 1930-kh gg.) – Novosibirsk: Novosibirskii gos universitet, 1998. – 91 s.

16. Кринко Е. Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УрО РАН – 2011 – Вып. 3(7). – С. 81–85.

Krinko E. F. Repressii «po zakonu»: lishenie izbiratel'nykh prav sovetskikh grazhdan // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN – 2011 – Vyp. 3(7). – S. 81–85.

17. Крыленко Н. В. Права и обязанности советских граждан. – Москва: Политиздат, 1936. – 55 с.

Krylenko N. V. Prava i obyazannosti sovetskikh grazhdan. – M.: Politizdat, 1936. – 55 s.

18. Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.) – М.: Издательство Московского университета, 1968. – 294 с.

Kukushkin YU. S. Sel'skie Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.) – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1968. – 294 s.

19. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1977. – Т. 36. – С. 165–208.

Lenin V. I. Ocherednye zadachi Sovetskoi vlasti // Poln. sobr. soch. – M.: Politizdat, 1977. – T. 36. – S. 165–208.

20. Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся 1917–1936 гг. – М.: Юридическая литература, 1966. – 575 с.

Lepeshkin A. I. Sovety – vlast' trudyashchikhsya 1917–1936 gg. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. – 575 s.

21. Мазур Л. Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): сб ст участников науч конф. – Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. – С. 105–119.

Mazur L. N. Lishenie izbiratel'nykh prav krest'yan v 20-e – pervoi polovine 30-kh godov (po materialam lichnykh del) // Istoriya repressii na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody): sbornik statei uchastnikov nauchnoi konferentsii. – Nizhnii Tagil: NTGPI, 1997. – S. 105–119.

22. Мекулов Д. Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве, 1922–1937 гг. – Майкоп, Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, Адыгейское отделение, 1989. – 155 с.

Mekulov D. KH. Sovety Adygei v sotsialisticheskom stroitel'stve, 1922–1937 gg. – Maikop; Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Adygeiskoe otdelenie, 1989. – 155 s.

23. Морозова Н. М. Личные дела «лишенцев» 1918–1936 гг.: опыт создания (на примере некоторых районов Мордовского края) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – М., 2002 – № 30. – С. 173–175.

Morozova N. M. Lichnye dela «lishentsev» 1918–1936 gg.: opyt sozdaniya (na primere nekotorykh raionov Mordovskogo kraia) // Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». – M., 2002 – № 30. – S. 173–175.

24. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НА РА), ф. 1, оп. 1, д. 179.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Adygeya (dalee – NA RA), f. 1, op. 1, d. 179.

25. НА РА, ф. 1, оп. 1, д. 197.

NA RA, f. 1, op. 1, d. 197.

26. НА РА, ф. Р-1, оп. 4 а, д. 27.

NA RA, f. R-1, op. 4 a, d. 27.

27. НА РА, ф. 1, оп. 1, д. 702.

NA RA, f. 1, op. 1, d. 702.

28. НА РА, ф. Р-5, оп. 1, д. 40.

NA RA, f. R-5, op. 1, d. 40.

29. НА РА, ф. Р-85, оп. 1, д. 208.

NA RA, f. r-85, op. 1, d. 208.

30. НА РА, ф. Р-59, оп. 2 а, д. 1.

NA RA, f. R-59, op. 2 a, d. 1.

31. НА РА, ф. Р-59, оп. 2 а, д. 7, л. 413.

NA RA, f. R-59, op. 2 a, d. 7.

32. НА РА, ф. Р-8, оп. 1, д. 201.

NA RA, f. R-8, op. 1, d. 201.

33. НА РА, ф. Р-79, оп. 1, д. 194.

NARA, f. r-79, op. 1, d. 194.

34. НА РА, ф. Р-79, оп. 1, д. 44.

NA RA, f. R-79, op. 1, d. 44.

35. НА РА, ф. 85 с/р, оп. 1, д. 179.

NA RA, f. 85 s/r, op. 1, d. 179.

36. НА РА, ф. 85 с/р, оп. 1, д. 178.

NA RA, f. 85 s/r, op. 1, d. 178.

37. НА РА, ф. 85 с/р, оп. 1, д. 183.

NA RA, f. 85 s/r, op. 1, d. 183.

38. Панкратова О. Б., Писанов С. С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 52–55.

Pankratova O. B., Pisanov S. S. Politika lisheniya krest'yanstva izbiratel'nykh prav v 20-e – 30-e gody XX veka i ee posledstviya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – Kostroma: 2018. – T. 24, № 3. – S. 52–55.

39. Петрищева Н. С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг.: на материалах Курского края. Дис. ... канд. ист. наук. – Белгород: 2013 – 200 с.

Petrishcheva N. S. Istoricheskie osnovy i praktika realizatsii izbiratel'nykh kampanii v organy sovetsoi vlasti v 1920-e gg.: na materialakh Kurskogo kraia. Dis. ... kand. ist. nauk. – Belgorod: 2013 – 200 s.

40. Саламатова М. С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). – Новосибирск: Новосибирский гос ун-т экономики и управления, 2016. – 340 с.

Salamatova M. S. Vyborny v Sovetskoi Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.). – Novosibirsk; Novosibirskii gos. universitet ekonomiki i upravleniya, 2016. – 340 s.

41. Саламатова М. С. Нормы представительства на выборах в РСФСР в 1920-е гг.: законодательство и практика реализации // Актуальные проблемы российского права. – Новосибирск, 2015. – № 6(55) – С. 36–43.

Salamatova M. S. Normy predstavitel'stva na vyborah v RSFSR v 1920-e gg.: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – Novosibirsk, 2015. – № 6(55) – S. 36–43.

42. Саламатова М. С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2013. – № 4. – С. 12–17.

Salamatova M. S. Elektoral'noe povedenie krest'yanstva v 1920-e gg. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. – Novosibirsk, 2013. – № 4. – S. 12–17.

43. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. – М.: Мир истории, 2003. – 296 с.

Smirnova T. M. «Byvshie lyudi» Sovetskoi Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gody. – M.: Mir istorii, 2003. – 296. s

44. Смирнова Т. М. «Бывшие»: штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 37–48.

Smirnova T. M. «Byvshie»: shtrikhi k sotsial'noi politike sovetsoi vlasti // Otechestvennaya istoriya. – 2000. – № 2. – S. 37–48.

45. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Управление Делами Совнаркома СССР 1942. – № 15. – Ст. 215.

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg. / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. – M.: Upravlenie Delami Sovnarkoma SSSR 1942. – № 15. – St. 215.

46. Тихонов В. И., Тяжелников В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. – М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1998. – 256 с.

Tikhonov V. I., Tyazhel'nikov V. S., Yushin I. F. Lishenie izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody. – M.: Ob'edineniya «Mosgorarkhiv», 1998. – 256 s.

47. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. / Пер. с англ. Л. Ю. Пантина. – М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); 2008. – 336 с.

Fitspatrik SH. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod. / Per. s angl. L. YU. Pantina. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN); 2008. – 336 s

48. Фицпатрик Ш. Россия в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. Л.Ю. Пантина. – М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); 2001 – 422 с.

Fitspatrik SH. Rossii v 30-e gody: derevnya. / Per. s angl. L.YU. Pantina. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN); 2001 – 422 s.

49. Хлынина Т. П. Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрих к портрету времени // Российская история: проблемы, мнение, оценки (федеральных, региональных, социально-экономических и политических процессов). Учёные записки. – Пятигорск. 2004.– Вып. 3. – С. 94–103.

Khlynina T. P. Chistki i lishenie izbiratel'nykh prav sovetsskikh grazhdan v 1930-e gody: shtrikh k portretu vremeni // Rossiiskaya istoriya: problemy, mnenie, otsenki (federal'nykh, regional'nykh, sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh protsessov). Uchenye zapiski. – Pyatigorsk. 2004.– Vyp. 3. – S. 94–103.

Yakhuti Yu. A. The practice of disenfranchisement in Adygea Autonomous Region in 1922–1926

Since coming to power, the Bolsheviks have used various methods in their relationship with society in order to change the social environment that determined its stability. Such an element was the electoral legislation and the Constitution of the RSFSR, which allowed the use of prohibitive measures against a certain circle of people. The method of disenfranchisement from 1917 to 1936 became one of the means of the RCP (b) in relation to persons recognized as unreliable. For citizens, these restrictions meant the loss of a number of social benefits and economic status. Significant gaps remain on this topic, related to a number of important facts about the subsequent status of this category of Soviet citizens. Changes in individual social groups, as well as the fate of people, are out of sight. New archival materials and regional studies help to solve these problems. Using the principles of objectivity and historicism, chronological, comparative historical and statistical methods, the author studied the regional policy of disenfranchisement in the Adyghe Autonomous Region in 1922-1926. This topic is being considered for the first time in the context of election campaigns in Adygea with the involvement of new archival materials.

Keywords: Adygea, elections, legislation, election commissions, categories, deprived.